

КОЛЛЕКЦИЯ ЛЮБВИ

Будучи шести лет от роду, Валерий Золотухин пролежал в нем то время, Золотухин упал со второго этажа и ушиб какое ему назначили врачи, он бы ли- ногу. Через год колено увеличилось до шилое ноги. А так все получилось про- размера капустного кочана. Его увезли щее: с семи до десяти лет он ни разу не в санаторий и не нашли ничего лучше- встал с кровати, после чего долго ходил го, как закатать ногу в гипс. Если бы на костылях.

Валерий ЗОЛОТУХИН:

Знаешь, когда бабы ходят в сортир, а ты подглядываешь...

Решив с чего-то, что человека с такой судьбой просто неудобно спрашивать о любви через взаимоотношения с женщинами, я подошел к этому с другого конца, однако на робкие просьбы рассказать о любви к Родине, матери или природе Золотухин отреагировал воинственно:

— Для меня это слово имеет вполне определенный смысл — любовь к противоположному полу. Все остальное — любовь к кошкам, собакам, деревьям, цветам — это что-то совсем другое. Я же под любовью всегда подразумевал то, без чего нельзя жить — без чувства к прекрасному полу.

— Тем интереснее узнать, когда же оно посетило вас впервые? — Это было после пятого класса, в пионерлагере. Предмет моего обожания звали Лара Китаева, и она была младше меня года на четыре.

— Кто был после? — Потом я любил одновременно двух девушек...

Один за другим раздаются два телефонных звонка. Поговорив о ценах на какую-то неведомую вещь, Золотухин положил трубку, после чего постучал в дверь. Побеседовав о театральном реквизите, он продолжил:

— Я был влюблен, да... В разных совершенно вариантах. Бывает любовь-страсть, а бывает и что-то вроде этого, но потом переходящее в сострадание, жалость, и это ужасно... Наступает раздвоение, когда не знаешь, к какому берегу прильнуть: и без этой не можешь, и эту никак не бросить...

— Неужели все это было в школе? — Нет, конечно. В школе я был влюблен в учительницу истории, замужнюю, это было в классе восьмом-девятом. Она только-только закончила институт и выделялась всем — лицом, одеждой, прической. Последняя, кстати, для меня до сих пор загадка: как в деревне можно было ежедневно делать на голове то, что в то время называли «вавилонской башней»?

— Это было самое главное, что так привлекало вас тогда? — Это было ее отличительной чертой. Главным были внешность, разговор, поведение. — Представляю, как вы себя чувствовали, отвечая у доски урок. — Ну, школьная влюбленность, она вообще отличается неадекватностью поведения. Так и в моем случае: больше всего было хамства — в нем и выражалась вся любовь.

— Дерзили? — Все бывало, но это была влюбленность...

— ...лишь до окончания школы, вы хотите сказать? — Конечно. Кроме того, я же был влюблен и в своих девчонок, и прекрасно понимал, что преподаватель истории — это недостижимо.

— Как идеал? — Нет. Это, знаешь ли, было близко к тому, как мальчишка всегда занимается онанизмом, представляя себе даму сердца. Так что скорее всего это была какая-то эротическая мечта. Знаешь, когда бабы ходят в со-

ртир или баню, а ты за ними подглядываешь...

Золотухин задумывается, а тем временем в воздухе висит тягостная пауза.

— Ах ты Господи ты Боже мой! — наконец восклицает он. — Такую вещь вспомнил — потрясающую! Были у нас две сестры Печенкины. Младшая из них — Нина — училась со мной в одном классе. Красивая была! А старшая — вообще красавица, но смотрела на нас, как на шпану.

Ну, суки, вы же просто не знаете, кому отказываете!

И вот однажды поздно вечером мы решили пойти к ним втроем. А на улице — зима, все занесено...

— Как же вы на костылях по сугробам-то? Или желание такое сильное было? — Желание у меня действительно было сильное — позже сам поймешь почему. Короче, худо-бедно, но пришли. Как ты думаешь, что мы сделали? Это было довольно интересное объяснение в любви: мы закрыли на щеколду дверь, чтобы они из дома не выбрались, а потом по очереди надрали им на крыльцо.

— Так ведь холодно! — А что — холодно?

— Ну, может, вы морж, тогда ладно. Только я одного не пойму: как это вы на костылях на крыльцо срали? Раздается довольно приличный грохот. Оглянувшись, видим, что звук шел от падающего тела фотографа, который почему-то дергается и никак не может встать. Однако вопрос уже задан, а фотограф — он сам как-нибудь разберется.

— Ну ты, Кирилл, совсем без фантазии. При чем тут это самое?.. Я же не безногий, у меня же ноги были...

К этому моменту не выдерживает и сам Золотухин. Давясь смехом, он все же пытался что-то говорить, но получалось что-то уж совсем странное: «Она просто... она у меня... она... потягивалась...» Все еще всхлипывая время от времени, Золотухин продолжил:

— Я же не инвалид был. А потом у меня друзья были, ептьте.

— Они что — помогли?!

— Ну откуда я сейчас могу вспомнить, кто там больше чего сделал, кто меньше. Но мы навалили на крыльцо. Изрядно. И это было именно проявление любви, и оно было сделано в такой форме не из желания досадить. Я бы назвал это скорее проявлением привязанности к этому дому и к этим девчонкам. Хрен

ли тут говорить: у меня брат от любви девчонку лупил.

— Ну, это известно: «Кого люблю, того и бью».

— Это точно. Потом мы раскидали весь инвентарь и с чувством выполненного долга собрались уходить. Но в этот момент какому-то дураку из нас пришлось в голову постучать им в окно — чтобы как-то дать знать...

— ...кто именно любит.

— Ну, своего рода. Хотя, казалось бы, чего проще: сделали — ушли, а утром зато какой бы эффект был! Так — етить твою мать — кто-то действительно стал стучать. Отец этих девушек всполошился, но выйти не смог — дверь заперта снаружи. Мы двинулись, но тут он как-то испугался выбраться и как-то заорет! Конечно, мы рванули наутек, но я же был на костылях. Так что твой вопрос: как срать на костылях? — это еще ерунда. Вот как убежать на костылях? — это вопрос по существу.

— Видимо, это наиболее мощное ваше признание в любви за всю жизнь?

— Мощное, ничего не скажешь...

— Но то — в школе. А как было в ГИТИСе?

— Я поступил на отделение оперетты, и тут уж начались большие дела...

Вся суть в том, что меня это преследовало всегда — я визуально проигрывал. Вот, например, передо мной фотограф — красивый, высокий, статный. Ему, блин, в самую пору... — На крыльцо?

Золотухин заходит в страшнейшем приступе смеха.

— На крыльцо-то, я не знаю... Это скорее моя участь — таким образом объясняться. А о красоте я заговорил, потому что у нас в ГИТИСе в ту пору было двое красивых ребят — Васильев и Кореньев. Е... твою мать, какие они были красивые!.. В них весь институт был влюблен, в том числе и моя первая жена — Нина Шацкая.

— Если не ошибаюсь, высокая, очень красивая блондинка.

— Совершенно верно. Мы с ней хотя и учились на одном курсе, но она была для меня совершенно недостижаема. Я был влюблен в нее и поэтому еще больше ненавидел.

— Интересно, как это вам удавалось соперничать со всеми этими писаными красавицами?

— У меня комплексов по этому поводу не было.

Это потом я услышал фразу: «Вы увидите, я стану знаменитым!» У меня была настолько

Действительно, хорошую вещь браком не назовешь.

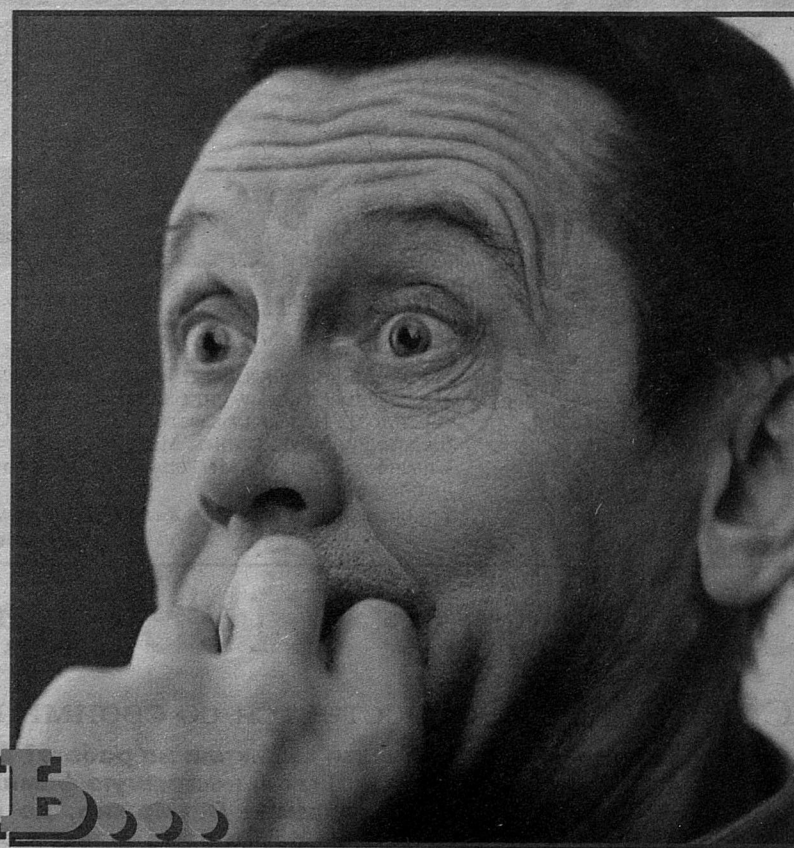

фото Якова Титова

мощная самооценка, такое чувство... — ...и оно вас не обмануло.

— Слава Богу. Могло и обмануть. А так у меня было ощущение какой-то победительности, что ли.

— Может, это оттого, что вы чувствовали свою особенность: вы же действительно несколько лет кряду капитально отличались от других людей. И, возможно, ко времени приезда в столицу было желание оторваться — по полной программе?

— Наверное, да. Тогда был замечательный дом — ВТО, куда мы ходили потанцевать. Но все дело в том, что со мной танцевать все отказывались — я и одет-то был, не приведи Господи: короткие штаны, какой-то несусветный пиджак — хреновина, одним словом. Но так как другого у меня ничего не было, кроме внутреннего ощущения победителя, то мне на хрен вообще все это не было нужно — мне было плевать, что и как я ношу. Со мной не хотели танцевать, но я не плакал от досады, а смеялся над ними, думая: ну, суки, вы же просто не знаете, кому отказываете!

— И именно из-за этого недостижимая попервоначалу красавица стала вашей женой?

— Получилось так. Однажды Шацкая просит у меня какую-то лекцию, а я отвечаю: есть, но она в общежитии. Согласилась. А общежитие — это, между прочим, коварный плацдарм! Тогда я вопрос ставлю еще лучше: целоваться будем? Будем, говорит.

— Неужели даже коньяка не понадобилось?

— Почему-то о нем я и не вспомнил: этот роман был связан не с ним, а с сушеными бананами. Началось все с того, что мы их поедали — с разных сторон. А потом Нина не приходила в институт дня три: до того нацеловались, что нанесли друг другу физические увечья — губы были истисаны до крови.

— Неужели же обошлись одним целованием?

— Обошлись. Но: надо иметь в виду, она была в ГИТИСе первой красавицей. Для примера могу сказать, что за ней ухаживал один студент, так она его заставила прыгать на одной ноге от ГИТИСа до ее дома — в район сегодняшнего спорткомплекса «Олимпийский» И он, сука, допрыгал! Вот это, я понимаю, влюбленность!

— А вам, видите, всего и делов — за лекцией рассчитаться...

— Это точно... Что-то замкнулось, и все это пятилетнее восхищение, вся эта ненависть как к бездельнице-студентке настолько смешались, что я был поражен, влюблен, очарован. Она пригласила меня встретить старый Новый год в Павлово-Посаде, и вот мы ходили по этой деревне — елки, огни, сугробы, любовь... Вернулся я оттуда мужем.

— А с ее матерью до этого случая уже встречались?

— Нет. Я пришел к ним домой после — в своих коротких штанах, пальте кургузом, и она подвела меня к матери

и сказала: мама, это мой муж... Мать заплакала, и я принял это на свой счет. Но сейчас я понимаю, что она заплакала не столько от моего вида, сколько от заявления дочери.

— Но все же вы как-то отметили это событие?

— Мать пошла в магазин, купила бутылку «Старки», мы ее выпили и ушли с Ниной в общежитие, где и прожили четыре года.

— Что потом?

— Потом я поступил в Театр Моссовета, а ее не приняли. В 65-м перешли в Театр на Таганке — вместе. А через четыре года родился Денис — который сейчас стал священником, — к сегодняшнему дню сделавший меня дедом. Так и закончилась моя любовь...

— Первая?

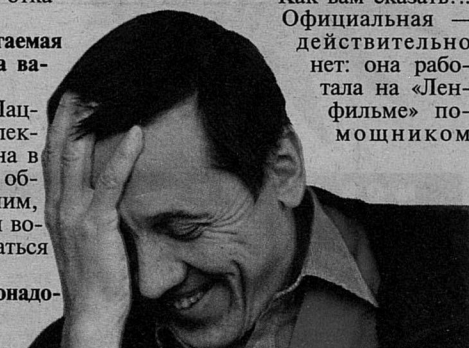
— Серьезная.

— Когда расстались?

— Когда вторая жена была уже беременна — в 79-м.

— Насколько я понимаю, вторая супруга — не актриса?

— Как вам сказать?.. Официальная — действительно нет: она работала на «Ленфильме» помощником

Я был влюблен в нее и поэтому еще больше ненавидел.

режиссера. А с ней познакомился, когда Хейфец снимал «Единственную». Роман длился пять лет — с 74 по 79-й, а потом перерос в семью. Золотухин явно раскисает.

— Что-то куда-то скатилось... Действительно, хорошую вещь браком не назовешь. Хотя, конечно, это тоже ерунда — в браке много хорошего. — Но я так понимаю, у вас еще не все потеряно.

— Нет, конечно, не все. Сейчас, можно сказать, только начало — такое заваривается, что хрен его знает, чем кончится.

— А почему же тогда считается, что актер по-настоящему любит только свои роли?

— Ну, это Розанов так говорил...

— А вы, значит, с ним не согласны? — Согласен. Хотя это и не абсолютно так. Но ты доставляешь боль другому, и, используя ответную боль, ты превращаешь ее в энергию спешного действия. Но беда-то в том, что хочется быть первым, а для этого надо много на себе испытать. И для этого приходится пользоваться и запрещенными приемами, парализуя на своих близких...

Беседовал Кирилл ЛИТМАНОВ.